

УДК 94(470)«1917»

DOI: 10.28995/2073-6339-2018-4-141-150

«Монументальная» версия истории Великой российской революции 1917 г. в современной российской историографии

Наталья В. Иллерицкая

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, natalia.v.illeritskaya@gmail.com*

Аннотация. В статье предпринимается попытка рассмотреть новейшие академические разработки в контексте подготовки к 100-летию юбилею Великой российской революции.

На материалах текстов трех известных профессиональных историков Ю.А. Петрова, В.В. Шелохаева и В.А. Никонova осуществляется историко-научный анализ и конструирование логики исследовательского поиска в том виде, в каком она проявилась в авторском дискурсе. Автор статьи стремится погрузиться в интеллектуальный контекст привлеченных историографических источников с целью выявления и осмысления новационных подходов, сформулированных в текстах данных работ.

Настоящая статья посвящена, прежде всего, анализу конструирования в современном историческом знании версии истории Великой российской революции 1917 г., альтернативной образу революции в советском историографическом проекте. Автор статьи выявляет отличительные черты предложенной историками модели революции 1917 г., поэтому основное внимание сконцентрировано на критериях отбора исторических и историографических источников, составляющих репрезентативную базу для конструирования нового образа Великой российской революции 1917 г.

Ключевые слова: Великая российская революция, версия истории, историографический источник, историографический факт

Для цитирования: Иллерицкая Н.В. «Монументальная» версия истории Великой российской революции 1917 г. в современной российской историографии // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2018. № 4 (14). С. 141–150. DOI: 10.28995/2073-6339-2018-4-141-150

“Monumental” version of the Great Russian revolution history in modern historiography

Natalia V. Illeritskaya

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; natalia.v.illeritskaya@gmail.com

Abstract. The article attempts to consider the latest academic studies in the context of preparations for the 100th anniversary of the Great Russian Revolution. By the materials of the texts of three famous professional historians Yu.A. Petrov, V.V. Shelokhaev and V.A. Nikonov the author makes the historical and scientific analysis and design of the of research study logic, in the form in which it manifested itself in her discourse. In order to identify and comprehend innovative approaches formulated in those texts the author of the article tends to immerse into the intellectual context of attracted historiography sources. The article is mainly dedicated to the analysis of the construction in the Great Russian revolution constructed in the contemporary historical knowledge of the new version for the Great Russian revolution of 1917 alternative to the image of the revolution in the Soviet historiography. The author of the article reveals distinctive features of the model proposed by historians for the 1917 revolution; therefore, the main attention is focused on the selection criteria of historical and historiography sources that constitute a representative basis for constructing a new image of the Great Russian Revolution of 1917.

Key words: the Great Russian revolution, version of history, historiography source, historiography fact

For citation: Illeritskaya NV. “Monumental” version of the Great Russian revolution history in modern historiography. *RSUH/RGGU Bulletin. Series “Political Science. History. International Relations”*. 2018;4:141-50. DOI: 10.28995/2073-6339-2018-4-141-150

Введение

Осмысление событий, которые привели к масштабному «советскому эксперименту», остается важной задачей современных историков, поэтому судьбоносные явления российской истории XX в. актуализируются и интерпретируются в контексте нового этапа историописания. В современном историческом знании заново сконструирована и бытует «монументальная» версия истории [1 с. 50], методологически включающая традиционные практики политической истории. В этом подходе в процессе подготовки к 100-летию революции 1917 г. был опубликован ряд научных трудов профессиональных историков, которые стали историографическими источниками данной работы: это статья Ю.А. Петрова «Великая российская революция: современные тренды», статья В.В. Шелохаева «Переформатирование партийного пространства России

в 1917 г. (историографические итоги и исследовательские задачи)» и монография В.А. Никонова «Октябрь 1917. Кто был ничем, тот станет всем». Эти тексты претендуют на историко-научный обобщающий характер, в связи с чем являются наиболее репрезентативными с точки зрения приращения научного знания. Поэтому целью данной статьи стал анализ новейших историографических источников для выявления новационных подходов в конструировании образа российской революции 1917 г.

Современные историографические подходы к истории Великой российской революции

В данном контексте особое значение приобретает статья Ю.А. Петрова «Великая российская революция: современные исторические тренды», опубликованная в материалах Международной научной конференции «Великая российская революция 1917: сто лет изучения» [2 с. 17–20], которая проходила в Москве в октябре 2017 г.

Замысел автора заключается в том, чтобы проанализировать новационные достижения современной исторической науки в разработке проблематики истории российской революции 1917 г. В связи с этим Ю.А. Петров акцентирует внимание на актуальности истории российской революции в современном обществе в связи с тем, что после длительного периода историографического мифотворчества сформировалась научная и общественная потребность перейти к осмыслению революции как необходимого звена непрерывного исторического развития России. Поэтому важным достижением научного сообщества стало представление о революции как о сложном многофакторном процессе. Ученые приходят к выводу, что Великая российская революция прошла в своем развитии несколько этапов, включая Февральскую, Октябрьскую революции и Гражданскую войну, поэтому считают период 1917–1922 гг. единым [2 с. 17].

Одной из основных тенденций современной историографии является отказ рассматривать революцию 1917 г. как радикальный разрыв с предыдущими социально-политическими и экономическими практиками. В советское время отечественная и зарубежная трактовки революции противостояли друг другу, однако в постсоветскую эпоху наметилось формирование диалогичного, но единого историографического пространства. В исследованиях последних лет экономический фактор не считается достаточным объяснением, почему именно в России в ходе Первой мировой войны произошла

революция. Преодолен ленинский постулат о «пауперизации масс» как главная предпосылка нарастания революционного кризиса. В современной историографии исследователи приходят к заключению, что причины революции надо искать в противоречиях, порожденных быстрой модернизацией страны, в трудностях перехода от традиционного общества к обществу современному. [2 с. 18].

Одним из центральных историографических вопросов по-прежнему является проблема характера Февраля 1917 г.: были ли эти события стихийным народным выступлением или это был подготовленный заговор «верхов»? Доминирующей точкой зрения для историков остается утверждение о стихийном характере начала революции.

В последние годы, по мнению автора, набирает популярность «конспирологическая» версия, согласно которой факт падения империи интерпретируется как результат заговора внешних либо внутренних сил [2 с. 19]. Однако массив накопленных исторической наукой эмпирических данных о революционных событиях явно противоречит этой концепции, так как большевики рассматривали революцию в России как «фитиль», от которого должен вспыхнуть пожар мировой революции.

Ю.А. Петров подчеркивает, что историки доказали, как постепенно в массовых движениях нарастали охлократические тенденции. В этих условиях большевики смогли перехватить власть в октябре 1917 г. с помощью радикально настроенных солдат, не желавших воевать. Опираясь на них, большевики разогнали Учредительное собрание, что вызвало рост социальной агрессивности. Представление советской историографии о «триумфальном шествии Советской власти» не подтверждается современными исследованиями. Период с осени 1917 г. до весны 1918 г. сейчас представляется историками как новый виток политической борьбы: власть на местах устанавливали не большевизированные Советы, а вооруженные солдаты. Реальный приход большевиков к власти стал началом Гражданской войны в России [2 с. 20–21].

Политические партии России в 1917 г.

Историографически тему пролога Великой российской революции продолжает статья В.В. Шелохаева «Переформатирование партийного пространства в России в 1917 г. (историографические итоги и исследовательские задачи)» [3 с. 32–42]. В тексте статьи определена цель: показать состояние современной отечественной историографии российских политических партий на переломном

этапе их эволюции – в 1917 г. Автор совершенно справедливо начинает с тех исследовательских итогов, которые были достигнуты в исторической науке к началу 90-х годов XX в. В советской историографии, как известно, в качестве методологического основания бытовала ленинская классификация политических партий, которая была малопродуктивна для выяснения положения дел в политическом спектре российских партий. Поэтому, как подчеркивает В.В. Шелохаев, советские историки освещали весь период революционных трансформаций 1917–1920 гг. с позиций «победителей» и «побежденных» [3 с. 33].

Эмигрантская историческая литература осталась в плену «синдрома побежденных», а зарубежная историография подпитывалась в первую очередь трудами эмигрантских авторов. Только в конце 1980-х годов ситуация стала постепенно меняться, но качественный перелом в историописании наступил лишь во второй половине 1990-х годов в ходе подготовки и реализации многотомного проекта «Политические партии России. Документальное наследие» [3 с. 39]. Анализ источников, вошедших в это фундаментальное документальное издание, показал, что политические партии России имели сугубо интеллигентский, неклассовый характер. Этот новационный вывод стал общепризнанным в отечественной и зарубежной историографии. В.В. Шелохаев справедливо отмечает, что именно интеллигентский характер партий предопределил непримиримую политическую и идеологическую борьбу между ними и внутри них по проблеме будущего России. Революция 1917 г. лишь предельно обострила эту ситуацию [3 с. 36–39]. С точки зрения автора, существенный прорыв был сделан тогда, когда исследователи отказались от тенденциозных рассуждений по поводу характера и деятельности этих партий и перешли к осмыслению их места в событиях революции 1917 г.

В результате обобщения современных историографических работ в области исследования российской многопартийности В.В. Шелохаев приходит к следующим выводам. 1. Революция 1917 г. привела к качественному изменению конфигурации российской многопартийности. В Феврале 1917 г. с политической сцены исчезли консервативные партии и организации: революция стала завершающим этапом в их истории. 2. После Февраля 1917 г. наметились существенные изменения в либеральном партийном лагере. Либеральные партии правого фланга и «центра» заметно радикализировались, пытаясь подстроиться под новую политическую реальность. Осталась только одна эффективная либеральная политическая партия – Конституционно-демокра-

тическая. Члены кадетской партии делали все возможное, чтобы не дать революции развиваться, но остановить национальную катастрофу не смогли. 3. Февральская революция и последующие события значительно изменили социалистические партии и организации: произошло резкое разделение их на умеренные и радикальные. Развитие революции 1917 г. превратило социалистов-революционеров и социал-демократов в непримиримых политических противников. 4. После Февральской революции ускорился процесс формирования национальных партий и организаций на фоне сокращения числа общероссийских партий. 5. Революция заставила политические партии пересмотреть их программы и тактические установки. Октябрьский переворот стал совместным делом леворадикальных партий, а не одних только большевиков [3 с. 40].

В результате В.В. Шелохаев приходит к прорывным для современной историографии выводам: российская революция 1917 г. показала неустойчивость российской многопартийности. На победу смогли рассчитывать только партии, опиравшиеся на традиционное массовое сознание народа. Партии парламентского типа вынуждены были сойти с политической сцены [3 с. 42].

В.В. Шелохаев не игнорирует прогностическую функцию историографии. Он пишет, что, несмотря на достижения последних лет, логика развития науки требует дальнейших усилий историков в деле изучения российской многопартийности. К чему же должны историки приложить усилия в первую очередь? По мнению автора статьи, исследователям предстоит большая поисковая работа по введению в научный оборот новых источников из региональных архивов и местной периодической печати. Это значит, что предлагается экстенсивное развитие исторической науки, когда приращение научного знания осуществляется за счет расширения источникового пространства и этот вектор развития рассматривается как основной. Правда, в заключении статьи предлагается обратиться к новым методологическим подходам, в частности к версии новой политической истории. Это позволит проследить процесс принятия партийных решений, их мотивацию и аргументацию, связи с электоральными слоями и т. п. Реализацию такого подхода можно только приветствовать, поскольку он потребует от историков применения современных междисциплинарных методов исследования, что, в свою очередь, в перспективе приведет изучение темы к неклассической рефлексивной модели исторического знания.

Современная версия Октября 1917 г.

Полностью в методологию «монументальной» версии политической истории вписывается фундаментальная конкретно-историческая монография В.А. Никонова «Октябрь 1917. Кто был ничем, тот станет всем» [4]. При помощи обширнейшего эмпирического материала автор аргументирует те новационные научные наработки, которые уже сложились в современном историописании. Эта книга стала продолжением другой работы В.А. Никонова под названием «Крушение России. 1917», в которой речь шла о Февральской революции.

В своем труде Никонов старается всесторонне обосновать авторскую версию, которая сводится к тому, что в начале 1917 г. не было предпосылок, неумолимо толкавших страну к революции. Россия, по его мнению, оставалась огромной и жизнеспособной страной. Экономическая модель не была идеальной, но она не была и провальной: в социально-экономической структуре России не было ничего, что объективно вело бы страну к разрушению. К 1917 г. российский государственный строй уже не был самодержавным: после революции 1905 г. Россия стала конституционной дуалистической монархией. В произошедшей революции, как считает автор, была вина Николая II, которая состояла в том, что император был кем угодно, но не монархом-политиком [4 с. 1056].

Главная революция, по мнению В.А. Никонова, произошла в феврале 1917 г., но она не может называться буржуазной, поскольку российская буржуазия как класс ее не осуществляла. Февральскую революцию подготовила и осуществила группа элиты – олигархической и интеллигентской, – воспользовавшаяся трудностями войны для установления собственной власти. Российская элита совершенно не понимала историческую природу власти в стране, которой собирались управлять, т. е. не отдавала себе отчета в последствиях разрушения российской государственности в условиях тяжелой войны [4 с. 26–27]. Революция была в основном творение русской интеллигенции: она готовила революцию интеллектуально, она была в первых рядах борцов с самодержавием, она поставляла кадры революционеров и руководителей для всех без исключения политических партий, она же составила Временное правительство. Февральское восстание в Петрограде, как считает автор, было порождено антиправительственной пропагандой, паническими настроениями и бунтом запасных батальонов. Легитимацию перевороту дала Дума. Царь сложил корону к ногам предавшего его армейского руководства [4 с. 1054].

Автор книги справедливо подчеркивает, что революции 1917 г. и Гражданскую войну современная историческая наука объединяет в один исторический акт, называемый Великой русской революцией 1917–1922 гг. Только в этом событии не было ничего великого. В.А. Никонов оценивает эти события как одну из самых драматичных страниц отечественной истории [4 с. 1054].

С точки зрения В.А. Никонова, Октябрьская революция стала результатом нежизнеспособности Временного правительства, чья легитимность была весьма сомнительна, поскольку власть его не выводилась ни от императорской власти, ни от власти Государственной думы. Население не понимало парламентской формы власти, так как связывало свои представления о народоправстве с теми политическими формами, которые были ему близки, а это были Советы. Именно Советы соединяли в себе корпоративно-общинное представительство, коллективное принятие решений и нерасчлененность власти, что было абсолютно понятно массовому сознанию.

Временное правительство ликвидировало весь государственный аппарат России, разорвало связь российской власти с православной церковью, довело армию до небоеспособности. У Временного правительства не оказалось никакой экономической программы. Советы проявляли гораздо большую инициативу, но они тяготели к перераспределению национального богатства и усилению государственного регулирования. Аграрная реформа понималась исключительно как конфискация земель у помещиков, и это полностью развалило крупные хозяйства. Правительство установило государственную монополию на торговлю хлебом, предписало крестьянам сдавать зерно по твердым ценам и ввело карточную систему на основные продукты питания. В результате к осени в стране был голод и шли голодные бунты. Власть оказалась не способной собирать налоги и включила печатный станок, в результате резко подскочила инфляция и расстроилась вся финансовая система [4 с. 1057–1062].

Внешнеполитический контекст революции определялся, по мнению автора, продолжавшейся Первой мировой войной. К 1917 г. все ведущие воевавшие страны были уже максимально истощены, причем Россия в наименьшей степени. Западные союзники хотели от России активного продолжения военных действий, поэтому идеи российской «демократии» шли в разрез с устремлениями западных столиц. От нашей страны также ждали следования западной модели развития и пропаганды либеральных ценностей. Все это внесло вклад в успех большевиков.

Ведущие политические партии, продолжает рассуждать автор, проседали одна за другой, и скорость их падения зависела сначала

ла от их близости к императору, а затем определялась степень их сопротивления немедленным чаяниям масс. Поэтому, когда большевики приходили к власти, они имели дело с анархией. Революция сломала традиционные общественные рамки, сделав общество бессловным, но одновременно максимально поляризовало его на «трудящиеся массы» (рабочий класс + крестьянство) и всех остальных, обозначенных как «буржуазия». Эта поляризация вызвала скачок классовой ненависти и задала основной стержень Гражданской войне. Крестьянство повсеместно восприняло революцию как начало реализации вековой мечты о «черном переделе» и ждало только сигнала на захват земли. Не дождавшись, мужик сам начал решать аграрный вопрос по справедливости, как он ее понимал [4 с. 1062–1076]. В результате была уничтожена российская империя как историческая форма существования российской государственности, а вместе с ней пала и Россия.

Заключение

Таким образом, в итоге своих разработок все три автора – Ю.А. Петров, В.В. Шелохаев и В.А. Никонов – пришли к солидарным выводам. Это означает, что в современном академическом историческом сообществе сложился интеллектуальный консенсус, смысл которого заключается в следующем: Россия заплатила чрезвычайно высокую цену за революционный эксперимент 1917 г., который стал следствием того, что культурная и политическая элиты страны не справились с задачей эволюционного перехода традиционного патриархального общества к цивилизации модерна. Великая российская революция на долгие годы предопределила развитие России и всего мира. «Короткий XX век» начался с Первой мировой войны и досрочно завершился в 1991 г., когда распалось то государство, которое было порождено российской революцией. За то, что в 1917 г. произошла революция, несет ответственность не русский народ, не низы, а интеллигенция. Она обязана была не допустить перерыва власти, но с этой обязанностью русская интеллигенция не справилась.

В современном историографии истории Великой российской революции 1917 г. сделан шаг вперед по сравнению с советским историографическим проектом: переформатирована сама проблематика истории российской революции 1917 г.; достигнута репрезентативность источниковой базы за счет переосмысления и введения в научный оборот новых документальных источников. Это привело к переопределению исследовательских задач и даль-

нейших ориентиров в разработке тематик российской революции 1917 г. Изменился образ революционных событий, он стал более корректным. Но все эти достижения сделаны в основном за счет экстенсивного освоения интеллектуального пространства. Так что историков ждет впереди большая и интересная работа, важная для самопознания современного общества.

Литература

1. *Поршнева О.С.* Человек в условиях российской революции 1917 года: основные тенденции и достижения в изучении проблемы // 1917 год в России: Социалистическая идея, революционная мифология и практика: Сб. науч. тр. Екатеринбург: Изд-во Уральс. ун-та, 2016. 382 с.
2. *Петров Ю.А.* Великая российская революция: современные историографические тренды // Великая российская революция, 1917: сто лет изучения: Материалы Междунар. науч. конф. (Москва, 9–11 октября 2017 г.) / Отв. ред. Ю.А. Петров. М.: [ИРИ РАН], 2017. 808 с.
3. *Шелохаев В.В.* Переформатирование партийного пространства в России в 1917 г. (историографические итоги и исследовательские задачи) // Российская история. 2017. № 2. С. 32–42.
4. *Никонов В.А.* Октябрь 1917. Кто был ничем, тот станет всем. М.: Изд-во «Э», 2017. 1181 с.

References

1. Porshneva OS. A man in situation of the Great Russian revolution. The main trends and achievements in the study of the issue. V: *1917 in Russia. Socialist idea, revolutionary mythology and practice. Coll. sc. Works.* Ekaterinburg: Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta Publ.; 2016. 382 p. (In Russ.)
2. Petrov JuA. The Great Russian revolution: the main modern historiography trends. V: Petrov YuA., ed. *The Great Russian Revolution of 1917. Centenary of Studies. Proceedings of the International Scientific Conference (Moscow. October 9-11, 2017).* Moscow: [IRI RAN] Publ.; 2017. 808 p. (In Russ.)
3. Shelohaev VV. Re-forming of the political parties in Russia in 1917 year. Historiography findings and studies objectives. *Rossiiskaya istoriya.* 2017;2:32-42. (In Russ.)
4. Nikonov V. October of 1917. Who was nothing that will be all. Moscow: Izdatel'stvo "E" Publ.; 2017. 1181 p. (In Russ.)

Информация об авторе

Наталья В. Иллерицкая, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; Россия, 125993, Москва, Миусская пл., д. 6; natalia.v.illeritskaya@gmail.com

Information about the author

Natalia V. Illeritskaya, Dr. in History, professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya sq., Moscow, 125993, Russia; natalia.v.illeritskaya@gmail.com